

КАЗАХСКО-
РУССКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В
XVIII-XIX
ВЕКАХ

АЛМА-АТА • 1964

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЗАХСКОЙ ССР

КАЗАХСКО-РУССКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XVIII—XIX ВЕКАХ
(1771—1867 годы)

(СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ)

Издательство «НАУКА»
АЛМА-АТА — 1964

Выпуском этого сборника Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР и Центральный государственный архив Казахской ССР продолжают публикацию документов, посвященных развитию казахско-русских отношений, начатую в 1961 г. В нем представлены не публиковавшиеся ранее материалы фондов Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива и Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, архивов Алма-Аты, Омска и других. Они отражают процесс добровольного присоединения Казахстана к России и социально-экономические отношения казахов в тот период.

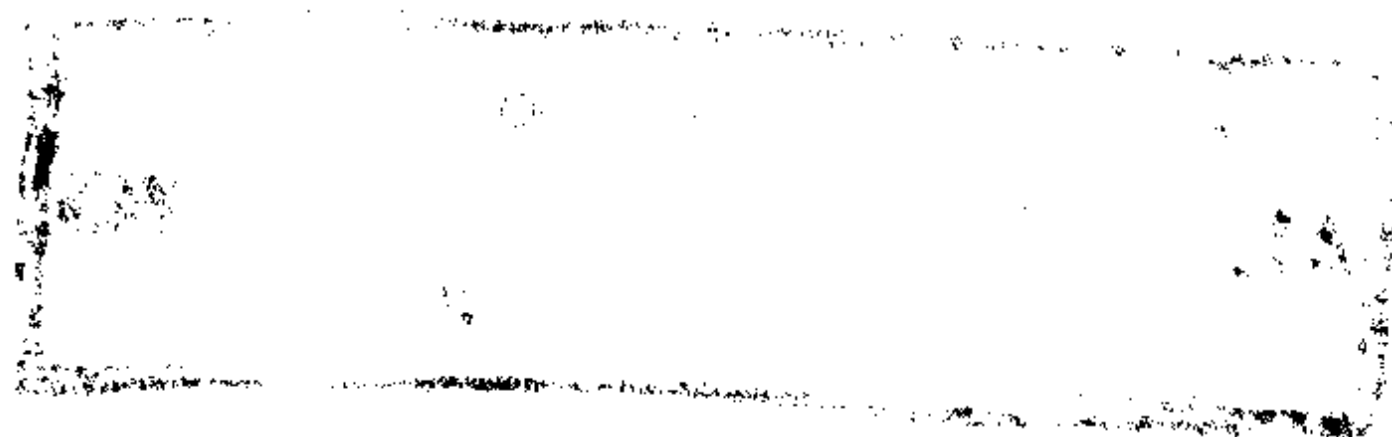
Сборник рассчитан на специалистов-историков, партийно-советскую общественность, а также широкий круг читателей, интересующихся историей Казахстана.

СОСТАВИТЕЛИ:

Ф. Н. Киреев, В. Я. Басин, Т. Ж. Шонинбаев,
К. Ж. Жунисбаев, В. С. Мусаева.

Редакционная коллегия:

М. О. Джангалин, Ф. Н. Киреев, В. Ф. Шахматов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник документальных материалов «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.» является вторым томом документов о связях между Казахстаном и Россией, публикация которых была начата Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР и Центральным государственным архивом Казахской ССР в 1961 г.¹

В сборнике содержатся материалы, относящиеся к 1771—1867 гг. и отражающие период казахско-русских отношений от крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева до завершения присоединения Казахстана к России и введения в нем общероссийской системы управления. Заключительные документы сборника относятся к 1867 г.

Составители сборника не ставили перед собой цели раскрыть все события исследуемой эпохи, хотя материалы, представленные в нем, отражают самые различные аспекты русско-казахских отношений в указанный период. Основными вопросами сборника являются: вопрос об участии казахов в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, о ханстве Аблая, о событиях, связанных с антиколониальными восстаниями под предводительством Срыма Датова, Исатая Тайманова, Есета Котибарова, Джанхожи Нурмухаммедова, о восстании казахов против Кокандского ханства. В сборник вошли некоторые материалы о феодально-монархических движениях султанов Саржана Касымова и Кенесары Касымова. В нем рассматриваются вопросы присоединения Старшего жуза к России, развития торговли, оседлости и земледелия, о проникновении русской культуры в казахскую степь, о взаимоотношениях казахов с Хивой, Кокандом, Бухарой.

Эти вопросы частично нашли свое отражение в публиковавшихся ранее документальных сборниках². Составители учли это обстоятельство при отборе материалов. Абсолютное большинство документов, представленных в сборнике, публикуются впервые.

Усиление крепостнической эксплуатации, рост помещичьего гнета пробуждали в крестьянстве ненависть к эксплуататорским классам, поднимали его на борьбу. Достаточно указать, что с 1762 г. по 1772 г. в России произошло более сорока крупных выступлений крестьян и рабочих людей; происходило брожение среди яицкого казачества.

¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сборник документов и материалов)». Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1961.

² См., напр.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. Подг. к печати под руководством проф. М. П. Вяткина. М.—Л., 1940; «Вопросы по истории политического строя Казахстана». Под ред. С. З. Зиманова. Алма-Ата, 1960 и др.

В первой половине 1773 г. на Яик приезжает Емельян Пугачев, к которому начали стекаться недовольные царизмом рядовые казаки и крестьяне. Весть о появлении Пугачева (под именем Петра III) быстро распространилась и по казахским аулам.

Известно, что Пугачев направлял гонцов с письмами во все концы России, в том числе и в Казахстан. В одном из писем, направленном через связного Акжолу к Досали, Пугачев просит хана прислать аманата и своих детей с войском, «повелевая при этом российским подданным (имеются в виду царские чиновники, колонизаторы.—Авт.) сколько можно делать притеснения и злодейства»³. Получив это письмо, Досали тотчас же ответил: «Весь народ наш без всякого сомнения предпочли Вас за государя, и прося от господ бога, чтобы он желаемое Вам вручил...» Вскоре Досали отправил к Пугачеву своего сына Сендали с отрядом в 200 джигитов, который принял участие в осаде Оренбурга. В боевых действиях отрядов Пугачева участвовали и другие группы казахов.

Как известно, крестьянское восстание под предводительством Е. И. Пугачева было жестоко подавлено. Были рассеяны и казахские отряды, участвовавшие в движении. В подавлении восстания царским войскам помогали и представители казахской феодальной верхушки, о чем свидетельствует грамота Екатерины II, данная хану Нурали, где она благодарит его за оказанную помощь в борьбе с Пугачевым.

Причины поражения крестьянской войны под предводительством Пугачева общеизвестны. Но следует добавить, что в рассматриваемый период между верхушкой яицкого казачества, с одной стороны, и казахским населением, с другой, шла беспрерывная борьба за земли, расположенные в районе р. Урала. К моменту появления Пугачева на Яике аграрный вопрос приобрел особо острый характер. Напомним, что в первый же период крестьянской войны, обращаясь к русскому, башкирскому, казахскому и другим народам, Пугачев «жаловал их свинцом, лесами, землей, лугами» и т. п., но это обещание по отношению к казахам не было выполнено. На этой основе уже в начальный период восстания сложилось взаимное недоверие между казачеством и казахским населением. Это ослабляло позиции восставших. Надо иметь в виду и то, что царизм для подавления крестьянской войны умело использовал национальную рознь. Например, против восставших казахов действовал крупный воинский отряд калмыцкой кавалерии полковника князя Дундукова.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева имела большое значение для казахского народа. В этой войне казахи вместе с русскими и представителями других национальностей выступили против царизма, в ней проявилась общность интересов трудящихся всех народов России.

После поражения крестьянской войны чиновники царской администрации вместе с казахской феодальной знатью продолжают наступление на права казахских трудящихся. Они захватывают принадлежавшие им земли. Более того, согласно указу 1782 г. переход казахов со скотом через Урал допускался только с разрешения царских пограничных властей и после внесения определенной платы. Поборы эти превращались в настоящий грабёж казахского населения. Доведенные до отчаяния, казахи открыто выступили против царизма, ханов и султанов. Это восстание, возглавленное батыром Срымом Датовым (1783—1797 гг.), по существу явилось продолжением той борьбы, которую начали казахи в отрядах Пугачева. Восстание Срыма Датова подрывало устои ханской власти и способствовало ее ликвидации.

³ Здесь и далее см. документы сборника.

В связи с тем, что это выступление нашло подробное отражение в т. IV сборника «Материалы по истории Казахской ССР», составители ограничились публикацией лишь тех документов, которые не вошли в указанный сборник.

Во время крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и восстания Срыма Датова экономика в Младшем и Среднем жузах была подорвана. Казахские трудящиеся испытывали земельный голод. В поисках новых земель начинается переселение казахов из Младшего жуза в район между Уралом и Волгой, что способствовало образованию в 1801 г. так называемого Букеевского ханства.

К этому времени выявилась неспособность ханской власти справиться с междоусобцами в степи. К тому же, и правящие круги царской России не могли мириться с дальнейшим существованием ханской власти. После смерти хана Среднего жуза Вали (1819 г.) царское правительство решило больше ханов не назначать. В 1822 г. был принят «Устав о сибирских киргизах», разработанный М. Сперанским, и в 1824 г. ханская власть в Среднем жузе была ликвидирована.

Несмотря на то, что «Устав о сибирских киргизах» носил колониальный характер, он сыграл и положительную роль. Было создано более стройное административное управление (внутренние и внешние окружные приказы). Казахи вновь созданных округов, в случае нападения на них соседних феодальных государств, получили организованную защиту со стороны воинских команд, прикомандированных к окружным приказам.

Много нового материала дается в сборнике о принятии русского подданства казахами Старшего жуза. Как известно, первая такая попытка была предпринята еще в 30-х годах XVIII в. Но в связи со сложной международной обстановкой и отдаленностью от России, она не увенчалась успехом. Один из активных сторонников принятия русского подданства, хан Жолбарыс, был убит в Ташкенте в 1740 г. До 20-х годов XIX в. вопрос о русском подданстве казахов Старшего жуза разрешен не был. В 20-х—40-х годах XIX в. положение Старшего жуза еще более ухудшилось. Большая часть казахов Старшего жуза еще находилась в зависимости от Кокандского ханства.

В 1832 году султан Старшего жуза Суюк Аблайханов направил в Аягузский окружной приказ письмо, в котором сообщал о многочисленных беззакониях и поборах, чинимых кокандскими феодалами: «Кокандцы, прибывшие с воли ташкентского кушбека, — говорится в письме, — взыскали с подведомственной мне волости пошлину по штуке в сорока, тридцати и даже двадцати баранов». О самоуправствах кокандцев на территории Старшего жуза сообщается и в других документах.

Постоянные беззакония и грабежи кокандских феодалов вызывали возмущение трудящихся казахов. Так, в середине 1832 г. казахи напали на кокандский отряд сборщиков налогов и истребили 56 человек.

Казахи Старшего жуза не могли, естественно, сами, без помощи России, освободиться из-под гнета кокандских ханов. В письме к губернатору Омской области они просили оказать им эту помощь. «Киргизы весьма слезно плачут, — говорится в этом письме, — что если они (казахи. — *Авт.*) действительно подданные России, то почему же им со стороны оной нет никакой защиты».

Еще в 1819 г. Суюк Аблайханов с подведомственными ему казахами был принят в русское подданство, но этот акт носил лишь юридический характер, поскольку фактически Старший жуз оставался в зависимости от кокандского ханства. В 1824 г. принятие Старшего жуза в подданство России было подтверждено грамотой императора Александра I.

Особенно остро вопрос о подданстве встал в 30-х годах XIX в. В

1831 г. Суюк Аблайханов настоятельно просит генерал-губернатора Западной Сибири открыть на территории Старшего жуза специальный округ, «построить дом и мечеть и командировать воинский отряд» для защиты от Кокандского ханства.

Лишь к концу первой половины XIX в., а именно в 1845 г., часть казахов Старшего жуза фактически перешла в подданство России, а в 1847 г. в русское подданство перешли и остальные казахи Старшего жуза. Таким образом, в основном завершился процесс присоединения Казахстана к России.

Документы показывают, как происходит развитие производительных сил в Казахстане, как меняются в связи с этим формы хозяйствования, начинают возникать условия для развития товарного производства.

С развитием всероссийского рынка и ростом торговли, влияние экономики России постепенно стало сказываться на экономике Казахстана. Казахстан все более втягивался в рыночные отношения. По далеко неполным данным только в 1776 г. в Оренбурге и Троицке казахами было продано скота на сумму около 6000 руб. «Народ киргис-кайсацкой...,— пишет уфимский и симбирский наместник О. Игельстром,— приезжали на мену великим числом (разр. наша.— Авт.) и случалось, что в день одних баранов 14 тысяч выменивали». Казахское население покупало у русских купцов сукна, металлические изделия, хлеб и другие товары. В 1779 г., например, по неполным данным, казахи закупили более 62 тыс. пудов хлеба.

Развитие торговли и обмена, в свою очередь, вело к разложению натурального хозяйства и появлению казахских купцов и алыпсатаров (перекупщиков). Появляется значительное число лиц, работающих по найму. Только в 1820 г. казахам Оренбургского ведомства было выдано свыше 9000 билетов на право отходничества.

Значительную роль в укреплении торговых, политических, экономических и культурных связей между русским и казахским населением сыграли такие города и населенные пункты, как Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар, и др.

В первой половине XIX в. в России в недрах феодального строя продолжали развиваться новые, капиталистические отношения. Растет число промышленных предприятий, количество вольнонаемных рабочих. Появляется машинное производство.

В этот период возрастает значение Казахстана как рынка сбыта русского хлеба и промышленных товаров, растет экономическая заинтересованность русских промышленников в казахстанском сырье. Казахстан превращался в сырьевую базу растущей русской промышленности. Уже в 1829 г. в донесении Коллегии иностранных дел Николаю I остро ставится вопрос об использовании сырьевых ресурсов Казахстана в русской промышленности. В это время русские горнопромышленники начинают вкладывать свои капиталы в разработку полезных ископаемых. В 1852 г. горнопромышленнику Попову была предоставлена площадь «простоанством в семь квадратных верст» на льготных условиях. Тот же Попов и другие горнопромышленники освобождались на десять лет от внесения в казну установленного налога. В 1854 г. особым царским указом было предусмотрено, что «киргизские султаны и другие имеющие чины почетные киргизы могут производить золотой промысел в Киргизской степи». Экономика России оказывала все большее влияние на отсталое хозяйство Казахстана. Увеличилось число казахских хозяйств, переходящих к оседлости и земледелию, развивалось товарное производство и торговля. В сборнике публикуется ряд документов, подтверждающих это.

Присоединение Казахстана к России имело прогрессивные послед-

№ 1

1771 г. июль. — Челобитная Л. Шапошникова, Ф. Морковцева и др. от имени яицкого войска имп. Екатерине II по поводу угнетения рядовых казаков.

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня все-милостивейшая.

Бьют челом В. и. в. всеподданейший рабы: от войска яицкого сотник Логин Шапошников, Федот Морковцев, Василий Горохов, Иван Герасимов, Петр Краденов, рядовые Иван Ерин, Петр Герасимов, Петр Замешаев.

О чем наше прошение, тому следуют пункты. Происходящая от В. и. в. богоподанная все высочайшая милосердия ко всем верноподанным означенное и неизреченное матерное попечение и обидимым покровительство, чего для всеподданейшие рабы осмелились от имени яицкого войска, подвергнув себя ко священным неизреченное стопам, горечных слез, всерабственно просить высокомонаршеского милостивого защищения и помилования.

1. В прошлом 1770-м г. поданным на высочайшее В. и. в. имя челобитьем просили на всю нашу Яицкую войсковую канцелярию и на присутствующих атамана Петра Танбовцова и старшин Алексея Митрясова, Матвея Суетина и на протчих по той канцелярии старшин во учиненных от них к нам притеснениях и разорениях; и по просьбе нашей от В. и. в. о нашем разорении послан был от В. и. в. лейб-гвардии Семеновского полку г-н капитан Дурнов да г-н генерал-майор Давыдов з данным за подписанием В. и. в. руки указом, а у нас при войске яйцке явилось посредственников довольно, один штап-, а других и обер-офицеров:

2. А как прибыв к нам в войско Яицкое капитан Дурнов и генерал-майор Давыдов по данному от В. и. в. указу не исполнил первые пункты, оставя штрафа, положенного от Гос. воен. колл., старшин не взыскал, також хлебного и денежного жалованья за неполучением войско яицкое за шесть лет не удовольствовал, старшин от войсковой канцелярии не отрешил, а только начинают последние пункты счетную комиссию о расходах и приходах денежной казны войсковой сумме, ибо у оных старшин как канцелярия, так расходные и приходные книги на руках, не за отрешением их от канцелярии исцель никак невозможно, потому что щетки будут в команде, но они на тех щетчиков и взирать не будут, да и тому ж еще опасайся от них худых представлений; в чем на нас и прежде в Гос. воен. колл. представляли понапрасну, и раскаяся сами в тех напрасных представлениях.

3. Почему, видя атаман с старшинами себе послабление от генерал-майора Давыдова и от капитана Дурнова, начале казаков заковывать в железа и плетьюми сечь и тем на войско немалой страх на-

водить, почему генерал-майор Давыдов дал нашему атаману с старшинами послабление, начал сам в своей квартире бить казаков несносными побоями и смертельно мучил Андрея Летошина и казака Ягапова по доносу казака Михаила Мостовщикова; но сказал им Мостовщикова: «Мы-де с вами не так поступим, что при Черепове, начнем-де по вас и ис пушек стрелять». Почему казаки напротив того сказали: «И ныне-де на зачинающих бог, у вас-де руки и у нас не крюки». Но по тому его доносу постя генерал в притчину, взяв казаков, мучил смертно, едва живы. И пушки поставя против своего двора, да и по ночам офицеры с командою по домам разъезжали, ис которых казаков з женами и детьми выгнали и дома запустошили, но и большей страх на войско навели. Також и капитан Дурнов в своей квартире сотника Логина Шапошникова мучил по какой притчине; но видя войско, что правосудия и защищения ни от ково сыскать неможно, послали оного сотника просить у г-на капитана пашпорта до главной команды, но он нача ево нещадно в своей квартире и своих рук мучить, и отослал в войсковую канцелярию, приказал его заковать, почему тот сотник, видя что в великой беде, притекнул з жалобою к В. и. в. под защищение и покровительство. Но нам в том расудилось, что он, не чувствуя данного от В. и. в. наставления, да и других, кто потребует жалованья, таковых атаману приказывает бить смертельно и видя, войско, от всех обороны не предвится, но одно разорение и вводят войско в порок, ревность и службы наши ни во что вменяют, а мы прежним монархом службы свои отправляли с похвалою и без всякого нареkania.

4. Прошедшую ж зиму В. и. в. войско яицкое всегда в разных партиях находилось за ушедшими калмыками волской орды, и как перешли войско чрез Яик-реку между фарпостов Красных Яров и Полковничьева, и нагнав калмыцкой орды при урочищах Индерских гор, идущим за намесником ханства, за первую ушедшею ордою в дальнем расстоянии, начав их уговаривать, дабы они склониться могли под власть В. и. в., и службы бы отправляли по-прежнему; но они на те наши уговоры не склонилися и начали поступать военною рукою на крепкое В. и. в. оружие. Почему с таковыми сражение учинили и их в смерть побили, а жен и детей в плен побрали, а как от оных возвратилися ехать на внутреннюю сторону Яика-реки, то еще встретилися нам той же орды тысяч по двадцати при мурзах Асерхе и Марше, и оные начали бо военною рукою поступать, причём и у нас пушки наведены были, однако чрез двои сутки едва уговорить могли и под власть В. и. в. склонили, которых взяв, и верх Яика-реки до Яицкого городка взогнали. И тако, не дошед до города кочевьем, они расположилися до вешнего времени для исправности своего скота, а как весна наступила, то отправлен с ними атаман Иван Ульянов со стами человеками для провожания к Волге-реке.

5. А уже от таковых частых походов кони пришли в великой упадок и в настоящую худобу, к тому приказывая атаман еще нанимать в Кизляр пятьсот человек, а небезизвестно В. и. в., что у нас в Кизляре в службе В. и. в. находится пятьсот человек, да у нас же и киргизская орда весьма на в покой, и прошлого года немалые В. и. в. учинили ущербу и казаков по фарпостам побили; к чему войско, видя в таком изнурении, в худобе своих коней, начели просить от войскового атамана заслуженного В. и. в. жалованья за шесть лет, дабы было чем себя, а паче коней исправить, а службы-де мы е. и. в. не отрекаемся итти, и таковых захватывая, заковывая в железа, иных секли нещадно плетми; а хотя нынешнюю зиму рыболовство и происходило, и то не в само настоящее время, к чему войско пришло в самое крайнее разорение и убожество; первое, хотя рыболовство происходило не вовремя, жалованья В. и. в. шестой год не имеем, командиры бьют и мучат несносными побоями, иной от

таковых побой несносных и смерть принял. К тому уже доходит, что войсковой атаман Танбовцев с своими согласниками желает, чтоб мы лишены службы были В. и. в., прошедшего лета не допустя нас, бедных, до сенных покосов, а косил своими согласниками, а хотя войско и допустил и то в настоящею осень к зимнему времени; також и осеннего работства лишил, а только лов происходил своими ж согласниками, а войско бедное во всем от них великия нужды и изнурение претерпевает. Уже по нестерпимости своей согласяся войско, и написав с настоящей копии копию, а когда стал войсковою круг, тогда в круг с той копии войско выслало сотника Тимофея Севрюгина, которой подал войсковому атаману в руки, а сам Севрюгин той копии в кругу не читал. И тако, спустя многое время, начали Севрюгина сыскивать, якобы он переписывая настоящую копию, но оные наводь от старшин ложные, дабы чем правду погубить, видя тот Севрюгин, что на него напрасно худые наводь, от того и дому своего лишился.

6. К чему видя, что правосудия себе сыскать не можем, принуждены притече к главной команде, нача просить команде его высокографского сиятельства Захара Григорьевича Чернышева и подавали на имя В. и. в. прошение неоднократно, только от нас, бедных, принять не мог, а приказывая всем, собравшись, притти. Однако мы опасны, как прошлого года, захватывая нас, и под караул сажали, в военную коллегияу.

7. Оной же войсковою атаман Танбовцев своими старшинами не ведая, что калмыцкая волская орда движение имеет чрез Яик-реку, а от ково ловящие рыбу на степной речке Узени нашего войска и как она орда на них наехав, то иных покололи, а протчие в плен взяты, а другия в камыши прихранилися. И тако, прибежав в войско, об оной орде объявили атаману. К чему войско начало у войскового атамана проситца сот до пяти, дабы ехать вниз по Яику-реке для охранения крепости и фарпостов, но он, атаман, начал другое. Выбрав атаманом старшину Нефедя Мостовщикова с пятистами человеками и послал за ушедшими калмыками, кои в нашем имянном казачьем списке находилися до двадцати человек, и тех нерадением своим не догнав и назат возвратился, а все не для чего, дабы нас привести в бессловие, а паче в разорение; а как оные калмыки к Яику-реке подошли, то пожгли четыре фарпоста, жен и детей наших покололи, но все явилось нерадение войскового атамана с старшинами, а ежели бы они тогдашенее время для закрытия тех фарпостов казаков командировали, то б, конечно, те фарпосты благополучны были.

8. В. и. в. о верности своей доносим, что в бытность у нас при войске янице в ссорах посредственниками довольно как генералитету, так штап- и обер-офицеров, только правосудов мало было, кроме присланного от В. и. в. в 1767-м г. лейб-гвардии Преображенского полку г-на капитана Чебышева, которой видно В. и. в. как закон божей, так и правы В. и. в. наблюдает.

9. Защити нас, бедных, В. и. в., от руки сильных, дабы мы остановились по грамотам В. и. в. и указом со всяким удовольствием, уже мы, бедные, во отечестве своем жития мало имеем, за нисхождение В. и. в. ко всеподданейшим нам рабам, всевышний творец невидимо низпошлет В. и. в. и наследнику всероссийского престола Павлу Петровичу вся благая, чего мы всеподданейшим от всего сердца радостно желаем.

И дабы высочайшим В. и. в. указом повелено было сие наше рабское прошение всепросветлейшие руки принять и просим всеподданейших нас, бедных, снабдить от наших старшин противу беззаконных их поступков, наглого разорения, высочайшею десницею защитить и оборонить, а о недаче на войско жалованья денежного и хлебного всемилостивейше просим из высочайшей императорской милости удовольствовать,

также и от генерал-майора Давыдова и от капитана Дурнова своею монаршею десницею в их к нам обидах, яко сообщники с нашими командами, защитить, ибо мы бы от их нападков лишены бы не были своего отечества и о всем полагаемся на Вашу высокомонаршескую волю.

Всемиловитейшая государыня, слезно просим В. и. в. о сем же всеподданнейшем прошении решение учинить.

К сему прошению вместо вышеписанных сотников и рядовых казаков по их прошению и за себя казак Иван Ерин руку приложил.

ЦГАДА СССР, ф. 210, раз. X, д. 553, ч. XXXVI, лл. 21—28.

№ 2

1772 г. января 15. — Челобитная яицких казаков имп. Екатерине II в связи с восстанием казаков, направленным против старшинской группы.

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня имп. Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемиловитейшая, бьют челом всеподданнейшии рабы, верныя слуги, яицкия атаманы и казаки и все войско яицкое.

В. и. в. довольно известно, сколь великия и несносные нам, нижайшим, от бывшего войскового атамана Бородина с старшинами причинены обиды и притеснения, в которых по прошению нашему, а по милостивейшим В. и. в. указам производилось следствие седьм лет, чрез которое все время мы, В. и. в. всеподданейшии рабы, до крайнего разорения приведены; и при том следствии как бывшей атаман Бородин, так и протчия старшины виновными найдены, за которыми и причлось наших войсковых денег 10 162 руб. 46 $\frac{1}{2}$ коп., но Гос. воен. колл. написала с них ко взысканию точию третью часть, а достальныя две части по имянному В. и. в., состоявшемуся в 1762-м г. сентября 22-го дня всемиловитейшему указу с них сложила, но понеже по тому всемиловитейшему В. и. в. указу прощены неумышленные начеты до пятисот рублей казенныя, а не наши войсковыя, общественныя, которыя должно все взыскать. Но, однако, хотя Гос. воен. колл. и третью часть взыскать определила, но токмо и третью часть поныне не взыскана, и хотя уже бывшей атаман Бородин с старшинами виновными найдены, но Гос. воен. колл., не учиня им за то надлежащего возмездия, а только посылала из нас в Сибирь и в Гурьев-городок по несколько человек казаков, что многии казаки безвинно и притерпели, а потому войсковою канцеляри[и] присутствующия старшины Матвей Суетин с протчими, оставшись свободными, и причиняли нам всякое крайнее притеснение, так как в наряде легионной команды несколько человек замучили до смерти, не упоминая того, что до четырехсот человек довольно время под караулом содержали и чрез то жены их и дети лишились всякого пропитания и принуждены были скитатца по миру. А притом за шесть лет определенного от В. и. в. денежного жалованья не производили и куда оно девали, неизвестно, а нам знать не давали. А сверх того общественных наших рыбных промыслов лишили, а допусчали во оныя наши войсковыя промыслы одних согласных им казаков, которыя, пользуясь тем, чтоб старшины не захотели, то все ради того в их удовольствие и делали, почему В. и. в., снисходя на просьбу нашу и видя нас крайне обиженных, и приказали удержанным за все годы жалованьем немедленно нас удовлетворить, а присутствующих старшиц, ежели они положенного на них денежного штрафа поны-

не не заплатили, от присудствия отрешить и тот денежной штраф взыскав, нам возратить; но токмо ни денежное жалованье, ни положенной с старшин штраф нам не возвращен и не удовольствованы, но и присутствующия старшины от присутствия их не отрешены, которые положенной на них штраф точно и поныне весь не заплатили, чем они то отрешение в силе имянного В. и. в. высочайшего указа и заслужили; и хотя мы несколько просьбу свою о том и производили, но никакого удовольствия нам не учинено, а вместо того начели нас до пятисот человек наряжать в Кизлярскую команду, а понеже как В. и. в., так и Гос. воен. колл. ис посланных пред сим отселя рапортов довольно известно, что на нас, нижайших, имеют намерение нападения учинить киргиз-кайсаки и, разоря все здешние границы, соединитца с турецкою областью. Чего ради и дабы от того киргиз-кайсацкого многочисленного народа как нашему, так и протчим российским жителям не учинено было важнейшего приключения и разорения, просили мы, в предохранение всей здешней линии в российских жителях, о оставлении при Яицком городке без выкомандирования в Кизляр команды, яко же и здесь по нынешним нужным обстоятельствам в людях крайняя надобность настоит, что мы нижайши и наблюдали, чтоб в людях урон в интересе В. и. в. ущербу последовать не могло; и хотя мы сколько о том ни старались, но токмо вместо должного по тому предохранения по силе Военной колл. определения, начели нас, нижайших, смертельно мучить, бороды брить и в драгуны ссылат. Со всем тем, однако, мы все крайне наблюдали, чтоб от нечаенного неприятельского нападения здешнее общество и протчия российския жителя сохраниены были, хотя и с великим мучением остатца при Яицком городке и неприятельским и киргиз-кайсакам в намерении препятствовать и высокия В. и. в. интересы защищать и предохранять, но несмотря на то г-н генерал-майор фон Траубенберх и г-н войсковой атаман Тамбовцов с старшинами начели нас, В. и. в. рабов, из домов таскать и немилостиво мучить же. Однако мы все то наблюдали, что в предохранение здешнего общества и высокия Ваших интересов принадлежит, а притом просили, дабы по силе имянного В. и. в. указу в даче нам за шесть лет жалованья, во взыскании со старшин штрафа и в выборе наместо их по войсковому согласию других зделано было нам удовольствие и вычитан нам был о том именной В. и. в. указ и по силе оногo имянного указу учинено б было исполнение, к чему мы, собравшись 13 числа сего месяца для той просьбы, шли со святыми иконами, чтоб нам не учинено было безвинного вреда, но г-н генерал Траубенберх и атаман Тамбовцов с старшинами, собрав регулярную команду и всех согласных атаману старшин и казаков вооруженных и разстановя по всем улицам пушки и заряды их ядрами и картечами, начели по нас, нижайших, стрелять и побили насмерть более ста человек и многих переранили, по каковой доведенной великой крайности принуждены были и мы, нижайши, оборонятца; причем и произошло со обеих сторон от того начатого от регулярной команды и от согласных атаману старшин и казаков стреляния и пальбы напрасное убийство, а притом между того смятения и бывшей при сем произшествии г-н генерал Траубенберг с протчими убиты, да и войсковой атаман Тамбовцов и старшина Колпаков присутствующим старшиною Суетиным из своих рук срублены, а с войсковой стороны одна только оборона происходила, а напрасное и безвинное кровопролитие от г-на генерала с регулярною командою и от согласных атаману старшин и казаков произошло, как ис приложенных при сем протопопской и афицерских и прочих сказок В. и. в. всемилостивейше усмотреть изволите. А мы уже, всеподданнейши В. и. в. рабы, принуждены были оборонятца по крайней и необходимой нужде. В чем, припадая ко священным стопам В. и. в., и пре-

даемся в высочайшую Вашу монаршую власть и благоволение; а теперь все войско яицкое пришло в тишину и спокойствие и всегда в повелениях В. и. в. находимся и служить до последняя капли крови обязуемся, так как отцы наши и деды, не щадя живота своего, верно и беспорочно служили, точно из высочайшего В. и. в. матерняго милосердия всеподданейше просим, дабы повелено было по притчине чинимого от Гос. воен. колл. нам, нижайшим, напрасного притеснения, вверить нас, всеподданейших рабов, под дирекцию одной персоне, их сиятельствам графам Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловым и во всем оставить на прежнем основании, так как и напредь сего предки наши состояли, в силе имянного блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого указа под дирекциею у г-на генерал-фельдмаршала и ковалера графа Бориса Петровича Шереметьева, а не Военной колл., а более сие предается в высочайшее В. и. в. соизволения.

Всемилоостивейшая государыня, просим В. и. в. о сем нашем челобитье решение учинить.

Генваря 15 дня 1772 г.

Челобитную писал войска яицкого войсковой канцелярии писарь Михайла Назаров, за неимением гербовой на простой бумаге; вместо войскового поверенного Василья Трифонова по ево приказу подписал писарь Михайла Михайлов; войсковой повеленный Терентий Сенгилежев; войсковой повеленой Андрей Лосезенев; вместо сотника Ивана Кирпишникова по его приказу подписал Иван Логинов; вместо сотника Семена Паларяшнива и за себя — Алексей Ганшин, сотник подписался; вместо сотников Михайла Чеботарева, Никиты Харчева, Егора Бавилева и за себя сотник Логин Шапошников подписался; Иван Елин; [вместо] сотников Федора Комкова, Данилы Абрамова, Дмитрея Сергеева и за себя сотник Гаврила Еретин подписался; вместо сотников Григора Бачара, Ивана Портнова, Игната Асанова и за себя — сотник Григори Кабанов; вместо сотников Семиена Светникова, Павла Проселетова и за себя сотник Василей Журавлев подписался; вместо сотников Андрея Кавалева, Федота Марковцова, Андрея Язовцова по их прошению сотник Логин Шапошников подписался; вместо сотников Максима Изюмникова, Петра Крадчикова по их прошению сотник Григорий Кабанов подписался; по приказу сотника Андрея Мамонова и за себя руку приложил¹; вместо сотника Ивана Сетьчикова по его приказу племянник ево подписался, Яков Бакаушин; сотники: Иван Герасимов, Кузьма Носов; есаулы: Иван Кузнецов, Емельян Чемеев; вместо сотников Кузьмы Носова, Ивана Герасимова и есаулов Кузнецова и Чемеева по их велению писарь подписался Роман Котятков.

Засвидетельствую — капитан Сергей Дурново.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, 1772 г., д. 143, лл. 1—3 об.

№ 3

1772 г. марта 26. — Рескрипт имп. Екатерины II оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу в связи с восстанием яицких казаков.

Рескрипт к оренбургскому губернатору Рейнсдорпу.

Уже с данного время войско яицкое, будучи подушаемо несколькими беспокойными и общему благосостоянию завидующими своими ка-

¹ Эта строка написана по-татарски, подпись отсутствует.

заками, зачинало быть в разврате; и сколько ни старались мы оказанными ему милостями и снисхождением вывести его из заблуждения, все наше о том попечение было, однако ж, тщетно. Наконец, позабыв верно-подданническую свою должность, и ослепясь злостным и превратным тех вредных людей изтолкованием наших собственных указов, не токмо оказало оно явное непослушание, но и дерзнуло на богомерзское убийство начальствующаго в той стороне войсками нашего генерала-майора Траубенберга, войскового своего атамана и других, а также на увече и задержание отправленного к ним от лица нашего гвардии капитана Дурнова; а при всем том, управляя поныне самовольным и незаконным образом, пребывает в таком еще несообразимом мнении, якоб исполнило оно сим ужасным и ненавистным поступком наше соизволение. Сколь все сие не заслуживает справедливой строгости нашего правосудия, но мы, руководствуясь всегда человеколюбием и матерним нашим о поданных попечением, думаем, что не все войско яицкое, но самая малейшая его часть была виновю толикого зла, и что прочия вовлечены были или по своей простоте, или же по незнанию истинного своего блага. В сем мнении, избегая, чтоб невинныя не претерпели вместе с преступниками, и щадя пролитие невинной крови, за благо разсудили мы употребить еще умеренность и чрез Вас увещать первых, чтоб они отстали от скрывающихся между ими злодеев, употребивших vsue имя наше, поколебавших тем общую тишину и затмивших убивством начальников своих славу всегдашней верности и послушания, коею войско яицкое стольк много отличалось. Мы надеемся, что они, видя такое монаршее наше о них благоволение и узнав ложь и собственные виды сих своих обольстителей, почувствуются, и пришед в прежнее подданническое повиновение, выдадут сами главных зачинщиков и нарушителей их покоя. Естли же и за сим войско яицкое останется в своем жестокосердии и упорстве, тогда неминуемо уже навлечет оно на себя праведный наш гнев вместо ожидаемого им от нас милосердия и пощады.

Для лутчего и общего о сем в войске яицком сведения повелеваем Вам там обнародовать сей наш указ и пребываем Вам в прочем императорскою нашею милостию благосклонны.

ЦГВИА, ф. ВУА, 1772 г., д. 143, лл. 9—10 об. Копия.

№ 4

1172 г. август. — Рапорт лейбгвардии Семеновского полка капитана С. Дурново, выезжавшего в Яицкий городок для расследования по жалобам казаков и о восстании их, имп. Екатерине II.

В. и. в. высочайшим имянным всемилостивейшим указом, будучи, я из тиранских рук яицких казаков освобожден, находился по возвращении моем в С.-Петербург от причиненных мне ран и смертельных побой донныне в крайней слабости и за тем не в силах был В. и. в. по должности моей всеподданейше донести о производстве дел по порученной мне комиссии; а ныне, получа несколько свободы, о всех тамошних произшествиях имею сим всеподданейше представить.

По приезде моем в Яицкой городок февраля 2 дня 1771 г. и дождавшись там генерал-майора Давыдова, следствие по принесенным от сотников и казаков жалобам на старшин, причиняющих им разные обиды и притеснения, на основании В. и. в. высочайшего имянного указа, данного мне в 31 день декабря 1770 г. нимало мешкая было на-

чато; взяты были от войсковой канцелярии надлежащие ответы, и требовано для шету и доказательства по выбору всего войска поверенных; только они упрямством своим не дали и дело совсем остановили, о чем и В. и. в. марта от 25 дня 1771 г. от меня вообще с генерал-майором Давыдовым с нарочным курьером всеподданейше было донесено, и требовано, что повелено будет чинить, высочайшей резолюции, но указу на то не получено.

Между тем, определенной для шету войсковой суммы нарошной штап-афицер шеты по книгам и документам привел ко оканчанию, только оные не рассматриваны за недачею ж поверенных. А сверх того производились и другия следствия, которые препоручены указом Военн. колл. генерал-майору Давыдову произвести вообще со мною ж; а какое было производство по всем следствиям и за чем остановилось для лутчаго В. и. в. усмотрения, при сем прилагаю краткий экстракт.

А как генерал-майор Давыдов, будучи пожалован губернатором, октября 19 дня 1771 г. из Яицкого городка отъехал в Белгород, до определения от Военн. колл. на место его генерал-майора фон Траубенберха, которой приехал в Яицкий городок декабря 30 дня, находился я почти без всякого дела; по прибыгии ж того генерал-майора первое было дело, что во исполнение Военной колл. указа, зачинщики во ослушании наряда в Кизляр, сотники и казаки семь человек высечены были плетьюми и отправлены в Оренбург для определения в регулярную службу за конвоем сержанта одново и двенадцати рядовых. Но только от городка верст с сорок они отъехали, напали на них нечаянно с превеликим криком казаков конных человек до трехсот, зачали стрелять, и арестантов шесть человек отбили, а сядьмова, насилу отстреливаясь, сержант с командою удержал и привес обратно в городок; которой дерской и наглой их поступок генерал-майор видя, писал в Оренбург о немедленной прибавке команды, и принята была всякая предосторожность.

Потом, хотя неоднократно збираемы были войсковые круги для наряда, по исполнение В. и. в. высочайшего имянного указа, в Кизляр, однако сотники и казаки противной стороны совсем явились ослушны и в круга почти не ходили, отзываясь, что дожидаются они из Петербурга челобитчиков — сотника Кирпишникова с товарищи, и до приезде их никакова наряду не зделают; а как генваря 10 дня они приехали, и в силе генерального, по случаю заразительной болезни учреждения остановлены были для осмотра за городом, многия казаки непослушные, с женами и с детьми, вышли их встречать, и при осмотре делали приезжие всякие грубости и своевольства, и многие ушли в городок без осмотра в тот же день. Когда явился у меня означенной сотник Кирпишников и я говорил ему, что войско целый год по имянному указу и по многим подтвердительным Военной колл. грамотам команды в Кизляр не отправляют, дожидаясь ево возвращения, и приказывал ему, чтоб он, ежели просили они об отмене той команды, да не отменено, растолковал войску, что отправить ту команду немедленно должно; но он мне ответствовал, что до тово дела ему нет, а что войско хочет, то пусть и делает. На другой день после тово посылал и атаман сказать Кирпишникову, чтоб он пришел в канцелярию и сказал войску, что последовало по челобитью их; но как посланные только пришли ко двору ево и стали стучатца у дверей, то выскоча, Кирпишников поднял превеликой крик, на которой збежалось множество казаков и зачали посланных бить, о чем тотчас было сказано генерал-майору, и он послал случившихся у него в то время двоих старшин, чтоб они уговорили и растолковали, что так им своевольничать и посланных бить не должно; однако, лишь только они пришли, что и старшин стали бить, и насилу могли, отмахиваясь саблями, отойтить от них и то потому, что несколько

ко случилось при том казаков послушных, которые по приказу старшин трех зачинщиков драки захватили под караул и атаман высек их подле войсковой канцелярии, в страх другим, плетьюми. А сотник Киришиников пошел на двор к казаку Толкачеву, куда собралось к нему непослушных казаков вооруженных до тысячи, и расставили со всех сторон человек по пятидесяти пикеты. И кто по улице ни шли из послушных, всех брали и били смертельно, и сажали под караул; что видя, генерал-майор положил было собрать тотчас всю регулярную команду и послушных казаков сколько есть и, оставя половину для прикрытия пушек, другую послать толпы их разогнать; но как атаман с старшинами представлял, что они по большей части сидят с зарезанными ружьями по дворам, а улицы тесные, и так, впусти они команду в улицу, могут всех из окон перестрелять. Почему и разсудили, не употребляя оружия, послать к ним афицера и старшину Логинова уговаривать, чтоб разошлись; только успеху в том не было, а прислали они ко мне двух человек сказать, чтоб по силе указу исполнял я в самой скорости, а генерал бы с командою ехал из городка вон — «Нам-де не согласились»; а как зачали подходить ближе, то послан был к ним от генерал-майора капитан с старшиною Колпаковым и атаман Сакмарской станции уговаривать, чтоб они разошлись и ближе не подходили, а ежели придут ближе, велено будет по них стрелять из пушек, то выскочил сотник Краденов и закричал на зачинающего: «бог»; и все пошли. А как со всех сторон мы были с командою окружены, и заведено у них по огородам конницы человек до пятисот, велел генерал-майор выпалить из одной пушки, и они бросились со всех сторон, оставя улицы, на крыши, и переходя по оным, в самое короткое время с крыш и со дворов, будучи прикрыты строением, пушкарей из ружей, сколько ни было, почти всех перестреляли, и одну пушку развиши, поставленных для прикрытия оной солдат поворотили, и зачали стрелять по команде. В то время находился я от главного фрунта, при котором генерал-майор, сажень в десяти, у других пушек, и как оные по притчине, что пушкарри были перестреляны, оставались уже без действия, хотел итти ко фрунту, однако, между тем, ни команды, ни генерал-майора тут не было, а сведал я после, что он ретировался в один каменной дом и хотел в нем отсиживатца; в то время набежали на меня казаков человек с сорок вооруженных, и один из них замахнулся разрубить мне саблей голову, но я уклонился, поставил ему правую свою руку, которую он и разрубил, а потом и голову в трех местах разрубили, и в спину ранили копьем, отчего я упал замертво; видно ж что и больше они меня рубили и кололи, потому что платье во многих местах порублено и проколото. После того били меня смертельно дубьем и всяким дреколием, что у ково в руках было, и действительно б убили досмерти, естли б не прибежал из тех же непослушных, как после я о том сведал, казак Григорей Кабаев и закричал: «Что вы делаете? Вить вы убете ево досмерти», — и лег на меня, а другой, не знаю кто, из них же, закрыл мне голову и не дал рубить, выговаривая: он-де будет еще нам надобен. После того стали меня поднимать, и как я встать был уже не в силах, что ухватили за волосы и таскавши на месте, потащили к войсковой канцелярии сажен с семьдесят, и брося в холодную тюрьму, двери закрыли, где я лежал часа четыре без памяти. Наконец, почувствовал, что озяб и пришел несколько в память; в то время слышал, что неоднократно приходили к тюрьме той, где я лежал, и кричали: «Конешно, он жив, надобно ево приколоть», — и в двери ломились, но дверь была заперта; и как видно, что они ключа не нашли. А к вечеру, после того часов чрез восемь, пришел казак из тех же непослушных, Савелей Фомичихин, отпер дверь, и подошел ко мне, спрашивал у меня без всякой

читаны были хотя неоднократно о том указы уже и от тех самых старшин, которых они, побивши прежних, выбрали, они и им не верели, и кричали: «Из чевож-де мы и кровь проливали, когда так вы судите». Во время ж сего смятения в Яицком городке и купцы приезжие для промыслу претерпели немалые обиды: никою без доклада войска не отпущали, а круг, когда доложат, иной кричит: «отпустить», другой — «не надобно», и оставалось всегда в нерешимости; и ежели случится за вину ково наказать, иной кричит: «бей, ево больнее», другой — «довольно», и старшин, выбранных ими, совсем не слушались; которая партия сильнее, та что хотела, то и делала. Одним словом, такой беспорядок происходил, которого ни описать, ни пересказать всего невозможно. Впрочем, во всю мою там бытность находился я, по совершении последнего их надо мною злодейства, в крайней опасности, и ожидал повседневно лишения жизни, потому что сколько от оренбургского губернатора об отпуске моем к ним ни писано было, отпустить не соглашались и неоднократно имели намерение убить меня и со всею оставшею командою досмерти. Да и когда получен мною В. и. в. указ, чтоб быть мне ко двору, в последнюю ночь, по получении уже указу, приезжали раза четыре к моей квартире на санях человек по двадцати и больше и хотели убить до смерти. Однако, казаки, которые стояли у меня на часах, выходили и уговаривали, чтоб тово не делали. При самом же моем отъезде принесли они еще две челобитны в такой же силе, какова послана от них к В. и. в., и требовали, чтоб засвидетельствовал; и я, зная по неустройству их, чтоб и самое малое их желаний неисполнение может произвести важные и опасные мне и всей команде следствии, принужден был подписать, и отправился в путь свой, почитая, что в день тот, чрез высокомонаршую В. и. в., ко мне, верноподданнейше[му] рабу, мило получил я себе вновь жизнь, которую совсем прежде иметь было отчаял. А как выше донесено, что во время смятения бунтующия казаки сундуки с делами перекололи и дела разбросали, а збирать публично мне их никак было невозможно, то дабы все произошедшие от войска наглости не могли после приписывать они беспорядочному производству дел, принужден я был все старания употребить о сохранении оных, и большую часть нужных, производимых в комиссии дел писари под епанчами тайно ко мне перенесли, которые и привезены мною сюда и куда повелено будет оные отдать, имею ожидать В. и. в. высочайшего повеления.

Что ж принадлежит до притчин, какие довели войско яицкое до такова законопреступного поступка, наглости и своеволия, рассматривал в бытность мою в Яицком городке все обстоятельства подробно; я иных не нахожу, как первая и главнейшая, что бывшей у них атаман Танбовцов выбран был человек такой, которой ко исполнению должноти хотя усердной и доброй, однако слабой и управлять такими продерскими и своевольными людьми способности не имел; к тому ж сотники, почти все, сколько их ни есть, кроме небольшого числа, выбраны были совершенные плуты, не имеющие у себя ни порядочных домов, ни промыслов, и все раздоры и неустройства в войске заведены единственно от них; они внушали войску безпрестанно под разными видами недовольствие на атамана и старшин и изыскивали притчины умышленно, чтобы ездить им было только зачем с челобитными в Петербург, потому что при каждой посылке челобитчиков собирали от войска деньги и немалые суммы, как и по следствию оказалось, что посланные в Петербург просить об отмене команды в легион издержали на содержание свое в Петербурге около пяти тысяч рублей и сверх того збор им еще на дорогу. Следственно, для такой бездельной своей корысти не только старались они завести в сотнях своих спокойно, но всяким образом

развращали простых людей, разтверживая им, будто не дельные были на службу от Воен. колл. наряды, и как возможно старались довести до того, чтоб грамотам Воен. колл. было войско непослушно, и обнадеживали, что всякой раз могут они изходатайствовать против посылаемых указов отмену и из Петербурга писали к ним подкрепляя, что по просьбам их идет все с желаемым успехом; почему во всю мою там бытность, как только они получают от находящихся в Петербурге сотников письма, всегда следует новое замешательство, раздор между собою, грубость против начальников и непослушание; и сколько старания прилагаемо ни было командировать во исполнение В. и. в. высочайшего именного указу команду в Кизляр, до возвращения посланных с челобитною из Петербурга совсем командировать отреклись; а как приехал сотник Кирпишников с товарищи, то на третьей же день их приезда, как выше донесено, и последнее смятение, наглость и убийство они зделали.

Впротчем, как войско то яицкое пожаловано издревле прославленными и плодоносными землями и имеет к домостроительству, скотоводству все нужное и со излишеством, сверх того изобилует рыбными и звериными промыслами, соль, вино и пиво продают по своей воле, получая от того себе немалую прибыль, и которые ведут себя хотя малопорядочно, ко обогащению все способы имеют и действительно тем пользуются, то осмеливаюсь В. и. в. по самой справедливости всеподданнейше представить, ежели только небольшое число праздных, нерадивых и продерских людей сотников, которые в войске покой и тишину возмущали, будут отлучены и дадутца им начальники люди порядочные, не по их обыкновенным на безпутствие и своеволие небольшого числа людей основанным выборам, а по усмотрению способности их от правительства, также и переменятца будут не по мирскому их приговору, а по рассмотрению, то останетца оно войско в рассуждении им пожалованных выгод навсегда и наилутчем и способном к службе состоянии.

В. и. в. всеподданнейший раб Сергей Дурново.

ЦГВИА, ф. ВУА, 1772 г., д. 143, лл. 15—19 и об.

№ 5

1773 г. октября 5. — Письмо хана Нурали оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу о готовности его помочь в поимке Е. Пугачева.

Перевод с татарского письма, присланного от киргис-кайсацкого Нурали-хана чрез людей ево Таира с товарищи, в Оренбурге октября 5 дня полученного.

Высококоместному и высокостепенному г-ну генерал-порутчику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Присланное от Вашего выс-ва письмо мною получено, на которое с почтением моим сим отвечаю, что я еще до получения от Вашего выс-ва известия, только по словам находящегося здесь подп. Симонова, через Мартемьяна Барадина ему, Симонову, представлял с тем, что естли известного бездельника ловить сила их достигнет, не сумневаясь, ничего сами б на то поступили, а когда то чинить будут не во состоянии, в таком случае дали б мне волю. Токмо он, Симонов, сам собою во внутреннюю сторону нас пропустить не посмел, почему и я, когда от него позволения нет, собою пройти не отважился; только я одного самозванца, едзящего здесь, каким ни есть обманом и претекстом поймать

думаю. Однако с тех пор ни от кого я известия и поныне не получаю, ежели оной бездельник, бежав, с той стороны придет, требуя себе прибежища, то здесь я, не дав им никакого места, разбив и поймав, выдать имею, и тем е. и. в. в службу мою оказать состоятельным себя нахожу.

Вашему выс-ву и пред сим я писал, что того бездельника, ездящего и называющего себя государем, издревле заблудящая яицкия казаки-изменники, назвав его государем, приобщаясь к нему, хотя и ездят, токмо сии слова те пустые и неосновательные, ибо о нем я думаю, что он лживец и вор. И тако б, ему и не верили, о чем при собрании нашего народа я и растолковал то, что нам должно, по принятой издревле присяге е. и. в. высочайши со приятелями нашей государыне приятелями, а со злодеями — злодеи быть, и чтоб со оным собранным нашим народом всегда пребывать в верности, прочитав молитву, заставил друга друга руки взять, а сей е. и. в. злодей, всего нам хотя и ловить должно, токмо за реку Яик пройти подп. Симинов не допускает. И тако, им, киргизцам, велел разъехатца по домам, а как они возвратились в дома свои, то и вымыслили, что некоторая половина яицких казаков е. и. в. находятся изменниками. Следовательно, и должно скот их отогнать, и как мне небесслышно, что они отогнали воровски лошадей и коров, у коих я взял по разным частям с лишком двести лошадей да около сорока коров, коих я в Яицкой городок обратно и отдал, а для собрания и возвращения остальново детей моих Бекгаляе да Араслана солтанов, придав к ним около ста человек людей, откачующих на степь киргизцам отправил, которые детям моим объявили, что взятой у яицких казаков скот, хотя они отдадут весь сполна, токмо-де другие киргисцы не возвращают, ибо-де они сей скот взяли у изменников и злодеев е. и. в., а посторонним-де безвинным от них никакой обиды не показано, а с их-де стороны е. и. в. никакого супротивления нет. И тако, откочевали во отдаленныя места, за коих бы яицкие казаки претензию свою не могли учинить...² и нам обиды.

Если Ваше выс-во изволите сказать то, что вдаль откачающие киргисцы за свою вину могут сами наказание принять, а чистым людям никакого изъяна не будет, что чистые поблизости к вам по реке Яику качевье имели, в таком случае обещаются они взятой ими скот, не ставляя ничего, возвратить, о чем Вашему выс-ву заблаговременно доношу, что за тех вдаль откочевающих глупых киргизцов вблизи находящимся чистым людям какой-либо вред учинен будет или нет и что на сие прикажите, прошу меня уведомить, а что касается до яицких казаков, то они издревле напрасной паклеп чинивший народ, то есть малое число считают большим, о чем предварительно и доношу.

Еще Ваше выс-ва прошу: киргиз-кайсаки откочевали в степь, а я, не приобщаясь к ним, нахожусь при реке Яике затем, чтоб для получения со обоях сторон известей ближяе и способнее быть могло, только по сю сторону Яика для содержания скота корму нет, если же мне откочевать на степь, то сомневаюсь, что киргиз-кайсаков глупых людей умножится. Того ради Вашего выс-ва усердно и приятельски прошу, прикажите собственной мой скот на внутреннюю сторону реки Яика перегнав, содержа, где отыщется корм, а я сам своим улусом по сю сторону на низах кочевал многократно, о сем прошу, ибо глупые киргизцы, наше наказания лутче могли ко мне склонными быть если Ваше выс-во меня за ближняго приятеля почитать изволите, то, как и выше значит, прикажите скот мой содержать на внутренней стороне, а мне на зимовку ехать; во ожидании от Вас известия и повеления нахожусь пониже Яицкого городка в тридцати верстах.

² Одно слово не разобрано.

О моих требованиях за хорошие Ваши слова да помилует Вас господь бог; еще Вашему выс-ву объявить имею: в орде нашей имяни-того Шагырбатырева имеющегося там у Вас меньшего брата Шитяк-бая-батыря, о коем и пред сим я Вас просил приказать, удовольствовав, возратить, да сверх того, хозяев из взятого башкирцами скота, удовольствовав, обратно сюда прислать с своим письмом.

Отправленных из Яицкой канцелярии трех яицких казаков, приоб-ща к моим людям, Таиру, Курмангазы да Утямашу, послал.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 2, лл. 6—11.

№ 6

1773 г. октября 6. — Письмо оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа хану Нурали с просьбой оказать помощь в борьбе против Е. Пугачева.

За предъявляемое Ваше, высокопочтенного хана, притом нужных больших обстоятельствах ко услуге и. в. усердие от стороны е. в. свидетельствую мою благодарность, а притом даю знать, что хотя враг е. в. сколько ни старался злодейство свое распространить, умножая изменническую свою и богу неповинутых людей, однак праведным оружием е. в. опровергнут...³ обращен, который устремился спасения своего искать на Вашей стороне. Того ради я Вам, высокопочтенному хану, предлагаю с подчиненным Вам киргиз-кайсацким народом всемерно постараться сих е. и. в. врагов разбить и, переловя, сюда выдать, и тем верноподданническую Вашу должность и верность навеки доказать, о которой не премину я тотчас к е. и. в. донести. И уповаю, что от е. в. без достойного за то награждения оставлены не можете.

В прочем, со всегдашним к Вам, высокопочтенному хану, и ко всей Вашей высокопочтенной фамилии доброжелательством и почтением предан.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 2, л. 331. Отпуск.

№ 7

1773 г. октября 7. — Письмо оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа хану Нурали в связи с пугачевским восстанием⁴.

За изъявляемые Вами, высокостепенным ханом, против известных врагов е. и. в. усердие свидетельствую мою благодарность, не премину о сем к высочайшему двору е. и. в. донести.

Какие оные дела против Оренбурга злодейство производят и что напротив того своей стороны чинится, тому присланные люди Ваши самовидцы, с которыми я, елико бог поможет, бороться буду. Ежели во время нужды потребна будет Ваша помощь, то я не премину тотчас к Вам сообщить, а между тем можете киргиз-кайсаков Ваших от их шалостей всемерно воздерживать.

А что касается до удовлетворения просьбы Вашей о перепуске на внутреннюю сторону Яика-реки скота Вашего, о том...⁵, как скоро от

³ Далее одно слово не разобрано.

⁴ Примерно такого же содержания письмо Рейнсдорп направил султану Айчуваку.

⁵ Далее одно слово не разобрано.

настоящего моего упражнения свободен буду, чрез нарочного к Вам сообщить не оставляю.

В протчем, со всегдашним моим к Вам со всей Вашей высокопочтенной фамилии доброжелательством и почтением предан.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 2, л. 339. Отпуск.

№ 8

1773 г. ноября 9. — Письмо хана Нурали подп. И. Симонову об участии султана Досали и его сына Сеидали в восстании под предводительством Е. Пугачева.

Перевод с татарского письма, от киргис-кайсацкого Нурали-хана полученного.

Честному и почтенному подполковнику, сыну моему Ивану Даниловичу Симонову.

Письмо Ваше я здесь получил и, услыша о Вашем здравии, а наипаче упоминаете о полученных от Оренбурга известиях, что известной злодей, находя себе оскудение пребывает, весьма порадовался.

Еще пишете о казанском губернаторе, что он со многим войском следует, також и по другим дорогам от Москвы с большими орудиями ожидают, почему и я в таком размышлении нахожусь, чтоб и мне в то ж самое время, когда оные войска в Оренбург придут, поспешить; его ж выс-во г-н оренбургской губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп изволил было ко мне писать с тем, что если когда понадобится от нас войска, то во свое время без требования не оставит, и такая при приезде тех войск известия и ожидая, а до того времени не ведая чего и делать. При сем посылаю в Оренбург к его выс-ву г-ну оренбургскому губернатору наши воздержания и взятые ими вещи ради возвращения от них атобрать способнее будет, прикажите форпостным казакам, чтоб они никакого вреда и изьяну учинить не отважились.

Еще приятства ради объявляю Вам, что известной злодей, величая имя свое, называется царем, чему безумной брат мой Дусали-солтан поверя и желая, чтоб он при нем был из лутчих, отправил одного сына своего, Сеидали-солтана, который и поныне у него, злодея, в руках находится. Но оной Дусали, хотя мне имеется и брат, токмо по сему почитаю его за чужого, а хотя он сына своего к нему, злодею, и отправил, токмо от него, Дусалия, ни худого, ни хорошего прозойти не может, кроме той своей глупости, о сем деле от себя и к г-ну оренбургскому губернатору опишите, дабы и он был сведом же.

В протчем, найвсегдашней Ваш доброжелатель Нурали-хан своеручно печать мою приложил.

Которая под оным чернильная приложена.

Переводил коллежский регистратор Артамон Ирганов.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 4, лл. 19—20 и об. Перевод.

№ 9

1773 г. декабря 8. — Письмо султана Досали оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу о султани Сеидали.

Перевод с татарского письма Меньшей орды от киргиз-кайсацкого Дусали-солтана, чрез Яицкий городок 18 числа декабря 1773 г. в Оренбурге полученного, в коем значит следующее.

Высокоместному и высокопочтенному приятелю моему Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

В каком состоянии Вы пребывание имеете, разведав возвратиться, послал было я сына моего Сеидали-солтана, которой противному Вам человеку попал в руки, когда ни есть возвышится степень Ваша, в то время бывших у Вас гостей Ваших без оскорбления, изневаги и опасности как наиспоря ко мне отправляйте еще издавно известного ближнего моего Хасана в скором времени ко мне возвратите; спокойно ли Вы пребываете или в печали находитесь, о том я известен быть мог. Прошу Вас, как скоро сие мое письмо до вас дойдет, в самое тож время письмо Ваше прислать ко мне, в коем уповании и нахожусь.

С самой весны от всего народа моего и от россиан им ни на одну полушку убытку и оскорбления не произошло. По присяге моей, каков я был прежде, тако[в] и ныне есть, с пустыми речами я не очень хорош, каковые пустые речи отдал я любящим их, кои и остаются пусть перед ними.

Весь народ наш пошел на них, а я, с усердием моим переговора с находящимися при Андреевской крепости есаулом Петром Михайловичем, по возможности нашей защищая от воров фарпосты, беспечально содержим и спросим от господа бога обоюдную беспечальность и неисчисленно хочю, чтоб весь российский народ зделал в одном почтении, да даруй оной создатель то мое намерение в скором времени вручить, аминь.

В протчем, наивсегда пребываю высокомиловитивейшей государыни подданной, киргиз-кайсацкой Меньшей орды Дусали-солтан, во увеление своеручно писал и печать мою приложил, которая под оным, чернильная, и приложена.

Переводил коллежский регистратор Артамон Ирганов.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 4, лл. 225 и об. Перевод.

№ 10

1773 г. декабря 18⁶. — Письмо султана Досали⁷ Е. Пугачеву о признании его императором России.

Перевод с листа, от киргиз-кайсацкого Меньшей орды Дусали-солтана к самозванцу Пугачеву писанного, чрез Яицкий городок в Оренбурге 18 числа декабря 1773 г. полученного, в коем значит следующее:

Всепресветлейшему, державнейшему, великому императору, самодержцу всероссийскому и коликих, и коликих областей всемиловитивейшему царем и высокому государю моему Петру Федоровичу.

От высочайшего лица Вашего присланной светлейшей указ ко мне дошел, в коем уведя благополучное Ваше пребывание, обрадовавшись, всевышнему творцу многое благодарение принес, еще увидя в письме сына моего Саидали-солтана, что он к светлому лицу Вашему близок, и тому весьма обрадовался ж. Паки всевышнего создателя прошу, дабы блистающее войско Ваше возвышало и Вы бы, учинясь над отечеством хозяином, многие годы царствовали, и что во мнение Ваше придет, ту Вашу надобность дал бы Вам господь бог, о чем во многих молитвах и нахожусь.

⁶ Дата получения.

⁷ На подлинном письме имеется пометка на русском языке: «Собственной рукой Дусали-салтана письмо к самозванцу».

По присланному от В. и. в. моего великого государя светлейшему указу, следуя в сходственность оного, как брату моему большому хану, так и всему подданому Вашему дикому киргиз-кайсацкому народу, о Вас, что Вы — государь, я, разглашая, объявил; почему в то же самое время брат мой хан и весь народ наш без всякого сомнения предпочли Вас за государя, и прося от господя бога, чтобы он желаемое Вам вручил, в которой молитве и находятся.

О двухстах человеках лучшее зрение Ваше в письме Вашем я увидел, почему я к отправлению их и со излишеством приготовил было, токмо в то время как я прикочевывал к Яику, то от яицких казаков и от наших киргиз-кайсаков разные известия происходили, а ныне дикой народ наш требует известия, каким образом им находиться я прикажу, чему и следовать они будут, о чем и просят. Того ради за благо рассудил от высочайшего лица Вашего вновь великаго повеления ожидать.

Каким же образом я Вам, езда, служу и стараюсь, о том толмач Ваш Вам скажет.

Впротчем, В. и. в. высокого государя моего поданной киргиз-кайсацкой Меньшей орды Дусали-солтан во уверение резную печать мою приложил.

Переводил коллежский регистратор Артамон Ирганов.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 4, лл. 226—227. Перевод.

Опубл. в кн. «Пугачевщина», т. 1. Госиздат, М.—Л., 1926, док. № 203, стр. 170—171.

№ 11

1773 г. декабря 18⁸. — Письмо хана Нурали Е. Пугачеву о признании его императором России.

Перевод с листа, от киргиз-кайсацкого Нурали-хана к самозванцу Пугачеву писанного, чрез Яицкий казачей городок 18 числа декабря 1773 г. в Оренбурге полученного.

В заглавии написано: «Копия».

Всепресветлейшему, державнейшему, великому императору самодержцу всероссийскому, и пр., и пр., и пр. областей повелителю, высокому государю Петру Федоровичу, высочайшему лицу Вашему.

Учняя главнейшее предводительство и хозяйство при высочайшем проезде В. и. в. к Яицкому городку, отправленному от меня посланцом к Вашим услугам человеку моему, мулле Забиру, данной светлейшей указ я здесь получил. Почему я, высочайшее повеление приняв за благо и зделаясь в службу Вашу готовым, о предприятиях Ваших с желанием моим находясь, и паки до услуг Ваших двоекратно отправлены были от меня посланцы, токмо они препятствием злодеев дойти к Вам не могли и возвратились ко мне обратно; по получении ж означенного светлейшего указа Вашего, не имея никакого об нем сомнения, чтоб оной не был великого государя нашего императора указ, и смотря на него, пребывание имел бы; но между тем, от генералов и бояр известии до меня дошли с таковым увелением, что многие добродетели мне оказуемы быть могут, а я, несмотря на них, но единственно утверждаясь по тому Вашему указу и ожидая какое-либо мне будет от Вас повеление, по тому и служить в готовности продолжался.

Присланного ж к брату моему Дусали-солтану с указом Вашим человека оной брат мой, взяв с собою, для советывания приехал ко мне,

⁸ Дата получения.

الحمد لله

شکستگاری و قدرتگر ادب و عجم ایسراط و ابلا استقلال الکل و جلد او سینه
و غیر و غیر و غیر و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
و حج عزت در نیک و در کار عالیه بریف

در ادب و عجم ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
قلوب سینه کیلیمه در جان و مانده نگزده کند و کشته بر سره لانی ایسراط و ابلا ایسراط
نگزنی بیاد و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
قبول گوید و عزت و نگرانی و صافیز به خوب تلف و نگرانی تلا با تو و ابلا ایسراط
نگزنی ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
کیلیمه بر نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
شکستگاری و قدرتگر ادب و عجم ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
یار ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
صبر و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
ادب و عجم ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
تو تو و عزت و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
یار ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
دیر و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
صورت و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
مسار و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
نی بیو ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط و ابلا ایسراط
گوارد و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی
دین و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی و نگرانی

کیمای بود اردوان کیمای کمانده بزنجوکی باوردن زین حلقه من تو قوا امر
 ایست از او بیخ ایست از او بیخ ایست از او بیخ ایست از او بیخ ایست از او بیخ
 شهبه قیامای باوردن زین حلقه من تو قوا امر ایست از او بیخ ایست از او بیخ
 ایله بزنی بیاد سنانک و سرور از طرف افند و یوار تو دایه انز ایروکی سلطان
 اورطای بود ابولای سلطان تو قوا امر ایست از او بیخ ایست از او بیخ
 تمام اینی لورن بود تو ایله سر او بیخ ایست از او بیخ ایست از او بیخ
 قو قوا امر مت قیلمو کی به لورن و نجوکی کراوشبو ننگر
 صبار بود سرور بیونده بود تو دایه انز ایروکی سلطان نفهم
 اورطای بود ابولای سلطان تو قوا امر ایست از او بیخ ایست از او بیخ
 ماوشا هر به لورن ای بز باوشا و بیب زان سر لورن
 او شهبه صبرم باد دایه ساسک تمام جیبونه باطلانه بایتونکند
 ماوشا هر به لورن ای باوشا هر بیب جز منی قیلا بقا و بیب
 و ما باقی همه فرود قنای بیواتی ننگر نو دلی خان کند و ام
 ایله او زهر جو باستور

и я, увидя то высочайшее повеление Ваше, весьма за хорошее предпочел, и что Вы во всяком благополучии, брав места, ездите, тем Вас поздравляю и желаю Вам многолетнего здравия. Что же касается до повеления Вашего, адресованного к брату моему Дусали-солтану о присылке к Вам до двухсот человек, которое повеление мы и апробовали было, и положили отправить к Вам одну партию воинских людей; причем народ наш стал говорить, что отправленной-де туда солтан их Саидали что не возвращается, и пока он обратно не будет, то каким образом им нада ехать; с тем и остановились. И тако, В. и. в., извольте реченного племянника моего Саидали-солтана с высочайшим повелением возвратить, чрез что народу нашему без всякого сумнения ехать к вам полезнее будет.

Кочующему же по реке Сыр-Дарье брату моему Ерали да Средней орды Аблай солтанам о всем известие даем, а по высочайшему повелению з братьями и всем народом В. и. в. служителями будем, как то и пред сим к означенным брату моему Ералию и Аблаю солтанам и всему народу чрез нарочного курьера известие послал с тем, что вновь государь наш зделался, которого я признавая за государя пребываю, и они б, по получении сего известия, того же часу, собравшись все и сев на конь, приездом поспешили, дабы, соединясь обще с нами, признавая Вас за государя, служили Вам.

В протчем, наивсегда киргиз-кайсацкой орды Нурали-хан своеручно печать мою приложил.

Переводил коллежской регистратор Артамон Ирганов.

ЦГАДА СССР, ф. 1100, кн. 4, лл. 76—91. Перевод.

Опубл. в кн. «Пугачевщина», т. 1. Госиздат, М.—Л., 1926, док. № 202, стр. 109—110.

№ 12

1773 г. декабря 23. — Указ имп. Екатерины II о посылке крупных воинских частей для подавления восстания под руководством Е. Пугачева.

Божею милостию, мы, Екатерина Вторая, императрица, и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр., объявляем чрез сие всем нашим верноподданным.

Крайнему оскорблению и сожалению нашему уведомились мы, что по р. Ергезе в Оренбургской губ., пред недавним временем некто беглые с Дону и в Польше скитавшийся казак Емельян Пугачев, набрав толпу подобных себе бродяг, делает в таможном краю ужасные разбои, безчеловечно...⁹ с жизнью имение тамошних жителей; а чтоб злодейскую свою толпу умножать от часу более, не токмо всеми встречающимися себе злодеями, но и теми несчастными людьми, коих чает он найти погруженными еще во тьме крайнего невежества, дерзнул сей злодей принять на себя имя покойного императора Петра III. Излишне было бы обличать и доказывать здесь нелепость и безумие такого обмана, который не малейшей вероподобности не может представить человеку, имеющему токмо общий смысл человеческий, богу благодарение: протекло уже то для России страшное невежества время, в которое сим самым гнусным и ненавистным обманом могли влагать меч в руки брату на брата. Такие отечества предателей, каков был Гришка Отрепьев и его последователи, уже все истинные сыны отечества познали дол-

⁹ Одно слово не разобрано.

говременно; вкусили потом плоды внутреннего спокойствия в такой степени, что ныне приводит каждого в содрогание и единое тех плачевных времен воспоминание. Словом, нет и не может ныне быть ни одного из носящих достойно имя россиянина, который бы не возгнушался тем безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и оболгать невежд, унижающих человечество своею крайнею простотою, обещая вывести их из всякой властям подчиненности; как будто бы не сам творец, всяя творя, основал и учредил человеческое общество таковым, что оно без непосредственных между государя и народовластия существовать не может. Но так дерзновение сего изверга имеет вредные для тамошнего края следствия, так что и слух о производимых тамо от него лютейших варварствах может утратить людей, обыкших представлять себе несчастье других, далече отстоящих, приближением опасности для себя самих, то мы, прилагая всегда неусыпное попечение о внутреннем душевном спокойствии каждого из наших верноподданных, чрез сие всемиловитвейшее объявляем, что к конечному истреблению сего злодея приняли мы немедленно всей достойные меры; и с числом войск довольным на искоренение толпы разбойников, которые отваживались уже нападать на бывшие в той стороне малые военные команды и умертвлять варварским образом попавшихся в их руки офицеров, отправили туда нашего генерала-аншефа лейбгвардии майора и кавалера Александра Бибикова. Не сомневаясь об успехе сих предпринятых нами мер к восстановлению спокойствия и к разгнанию свирепствующих злодеев в части Оренбургской губ., пребываемы и в том внутреннем удостоверении, что все наши любезные верноподданные, гнушаясь дерзнейнейшим и ниже теми вероломности имеющим обманом разбойника Пугачева, никогда не допустят себя уловить и никакими ухищрениями людей злоковарных, ищущих своей корысти в слабо мыслящих людях и немогущих насытить алчности своей иначе, как опустошениями и пролитием невинной крови; впрочем, надеясь мы несомненно, что внимая долгу своему, каждый из истинных сынов отечества обуспособствует сохранению тишины и порядка ограждением себя от уловления злонамеренных и должных начальству повиновением, тако до пожив любезные подданные наши ради собственного блаженства своего, к чему обращаем мы все попечение наше и в чем всю славу нашу полагаем и всегда полагать будем.

Дан в Санкт-Петербурге декабря месяца в двадесять третий день, от рождества Христа спасителя нашего тысяща седмсот семьдесят третьего года, а государствования нашего дванадесятого лета.

Подлинно подписан собственною е. и. в. рукою тако:

Екатерина.

В секретарской должности протоколист
[подпись не разборчива]
Копию скрепил Михаил Степанов.

ЦГА КазССР, ф. 478, оп. 2, д. 33, лл. 2—3 и об. Копия.

№ 13

1774 г. января 4. — Письмо хана Нурали Астраханской губернской канцелярии о влиянии пугачевского восстания на казахское население.

Перевод с татарского письма, писанного в нижеследующей силе, полученного генваря 17-го дня 1774-го года.

По имеющейся к е. и. в. моей твердой искренности Астраханскую губернскую канцелярию уведомляю.

Как Вам небезизвестно и самим, что известны самозванец и народ в заблуждении приводящей неприятель, расположась в нижней стороне Оренбурга, послал два человека ис татар да два из российских казаков и находящегося при нем, злодее, Досали-Солтанова сына Саидали, солтанова товарищей три человека, всего семь человек, которые, приезжая на фарпосты, и фарпостных с пути возвращали, сказывая им, что Оренбург и город Яик взяты, и тем заблудившихся фарпостных людей к себе склонили, а есаулов до смерти убивали да атамана Никиту Бородина с некоторыми ево товарищи в ночное время убили до смерти; а я, не хотя по оному обстоятельству при таких мошенниках иметь кочевье, отошел в них; потом, известясь я от одного кайсачинина, которой в числе вышеписанных кайсак трех человек, как о невзятии Оренбурга и Яика, так и о притомлении ево, злодея, лошадях и о пешестве их, давая фарпостным казакам о целости Оренбурга и Яика знать, и притом хотя их увещевал, чтоб они не пришли в заблуждение, однако они того моего увещания не послушали; а между тем из Яицкой комендантской канцелярии, чрез прибывших оттуда трех человек из татар, кои с находящимися тамо моими двумя человеки сообщалось о нашей кайсацкой стороны степью ко мне приехали, получили письмо, в коем прописан, чтобы оных мошенников усмирить, а полученной бы нами от них добычи остаться у нас; а хотя я оным фарпостам ничего чинить не допускал, однако оные мошенники казаки, оставя свои фарпосты, собравшись, вверх пробираются; а ныне я остаюсь в ожидании от Вас себе уведомление, затем, что мне со оренбургским губернатором переписки иметь невозможно, потому что между нами находится неприятель. И тако, Астраханскую губернскую канцелярию прошу, какое бы мне приказание ни было, о том вскорости меня уведомить.

Да еще, лехкомысленные киргиз-кайсаки, видя российской народ между собою друг з другом имеют разврат, по своему дурачеству блис моря с прилежащих ватаг брали несколько российских людей; прошу ж не иметь о сем прискорбности, ибо как помянутого неприятеля дело окончится, то, помощью божиею, я оное дело во окончание привести имею; да при сем прошу збирающего по берегу моря дрова нашего кайсачинина Елкиандара Байтемирова, коего Ваши люди, захвата, увезли, прислать ко мне обратно, и тем меня незабвенною дружбою обязать соизволите почему и я требуемое Вами окончить имею.

В протчем, остаюсь в доброжелательстве Вашем с приложением в верности моей печати.

Переводил переводчик Муса Мурза Тонкачев.

АВПР, ф. 122, д. 3, лл. 25—26. Перевод.

№ 14

1774 г. января 5. — Рапорт Астраханской губернской канцелярии в Гос. колл. ин. дел об использовании калмыцкого войска против казахов.

Ис приложенной при сем с доброса копи одного кайсачинина владения киргис-кайсацкой орды Нурали-хана брата, Айчувака, которой во сную канцелярию прислан 1-го числа сего месяца, при рапорте от красноярского коменданта Пирогова, пойманной разъездною командою из воровской партии на ватаге купца Квасньникова, состоящей близ реки